

Мюррей Букчин

Муниципализация экономики: общинная собственность

В своей статье «На пути к либертарному муниципализму» я выдвинул мнение, что любая контркультура должна быть развита совместно с контринститутами, такими как децентрализация, конфедерация, народовластие, которые будут контролировать общественную и политическую жизнь, принадлежащую в настоящее время централизованному бюрократическому государству.

С помощью большинства радикальных идеологий классическим центром этой народной власти стала фабрика, являющаяся полем битвы между наёмным трудом и капиталом, а также действовавшая в качестве центра в течение большей части девятнадцатого и почти половины двадцатого веков. Фабрика как место, где решают, «кому должна принадлежать власть», опиралась на убеждение, что промышленный рабочий класс был «главным» средством для радикальных социальных изменений; что «классовые интересы» рабочих (если использовать язык радикализма того времени) смогут «свергнуть» капитализм, как правило, с помощью вооружённого восстания и революционных всеобщих забастовок. Тогда это установило бы свою собственную систему социального управления, будь то в виде «рабочего государства» (марксизм) или конфедеративных комитетов (анархо-синдикализм).

Оглядываясь в прошлое, теперь мы можем увидеть, что гражданская война в Испании в 1936-39 годах, судя по всему, была последней исторической попыткой революционного рабочего класса Европы следовать этой модели. За прошедшие пятьдесят лет (с начала революции до написания этой статьи) стало очевидно, что великая революционная волна в конце тридцатых годов была кульминацией и концом эпохи пролетарского социализма и анархизма, эпохи, которая началась с первого в истории восстания рабочих: восстания парижских ремесленников и рабочих в июне 1848 года, когда над баррикадами были подняты красные флаги в столице Франции. В последующие годы, особенно после 1930-х годов, ограниченные попытки повторить классическую модель пролетарской революции (Венгрия, Чехословакия, Восточная Германия и Польша) потерпели неудачу и стали трагическими отголосками великих стремлений, идеалов и усилий, которые канули в лету.

Помимо повстанческих крестьянских движений в странах третьего мира, никто, кроме нескольких догматических сектантов, серьёзно не принимает «модели» июня 1848 года, Парижской Коммуны 1871 года, Русской революции 1917 года и Испанской революции 1936 года, отчасти потому что тип рабочего класса, который совершил те революции, был почти демобилизован технологическими и социальными изменениями, отчасти потому что вооружение и баррикады, давшие этим революциям капельку власти, стали чисто символическими на фоне огромного военного арсенала, которым владеет современное государство.

Существует ещё одна традиция, которая уже давно является частью европейского и американского радикализма: развитие либертарной муниципальной политики, новой политики, структурированной вокруг городов, районов и собраний граждан, объединённых по собственной воле в местные, региональные и в конечном счёте континентальные сети. Эта «модель», разработанная более века назад Прудоном, Бакуниным и Кропоткиным, среди других является больше, чем идеологической традицией: она неоднократно появлялась как настоящая народная практика в виде восстания комунерос в Испании в 16 веке, американского движения городских собраний, которое пришло из Новой Англии в Чарльстон в 1770-х годах, парижских ассамблей в начале 1790-х годов, Парижской Коммуны в 1871 году и движения жителей Мадрида (с 1960 года по начало 1970-х годов).

Почти всякий раз, когда люди неудержимо встают на путь борьбы, либертарный муниципализм всегда вновь появляется в виде низовых движений, отличающихся от всех радикальных доктрин, основанных на пролетариате, несмотря на то, что существуют и такие движения, как «местный социализм», к которому нынче повернулись англичане, радикальные муниципальные коалиции в США и народные городские движения в Западной Европе и Северной Америке в целом. Эти движения больше не уделяют только обычным классовым вопросам, вытекающим из фабрики; они уделяют также более широким, действительно сложным вопросам, которые варьируются от проблем окружающей среды, культивирования до жилищных и материально-технических проблем, которые существуют во всех муниципалитетах мира. Они не ограничиваются лишь традиционными классовыми направлениями, но и способствуют тому, что люди объединяются в советы, ассамблеи, движения инициативных

граждан, часто независимо от их профессиональных корней и экономических интересов. Для настоящего народного движения (а не просто ориентированного на класс движения, в котором промышленные рабочие всегда составляли меньшинство среди населения) они сделали больше, чем традиционный пролетарский социализм и анархизм, а именно: сплотили в одно движение как людей из среднего класса, так и представителей рабочего класса, как сельских жителей, так и городских жителей, как профессионалов, так и людей низкой квалификации, действительно, настолько большого разнообразия людей как консервативных, так и либеральных и радикальных традиций. Косвенным образом этот вид движения реставрирует подлинную сущность «народа», на который идеологически опирались великие демократические революции, пока они не стали фрагментированы в классовые и групповые интересы. История, по сути, восстанавливает в реальном мире то, что было однажды экспериментальным и мимолётным идеалом Просвещения, от которого пошли американская и французская революции в восемнадцатом веке. На сей раз добиться крупных социальных изменений можно только с помощью сил, основывающихся на большинстве, а не миноритарных движений, существовавших на протяжении прошедших двух столетий пролетарского социализма и анархизма.

Радикальные идеологи склонны рассматривать эти экстраординарные муниципальные движения скептически и пытаются при каждой возможности приводить их в плен традиционных классовых программ и исследований. Движение жителей Мадрида (ДЖМ) в 1960-х годах было практически разрушено радикалами всех политических мастей, потому что они пытались управлять поистине народным муниципальным движением, целью которого было демократизировать Испанию и дать новый кооперативный и этический смысл человеческой городской ассоциации. ДЖМ стало почвой для укрепления политических устремлений к социалистам, коммунистам и другим марксистско-ленинским партиям, пока оно не было подавлено особыми партийными интересами.

Сегодня либертарные муниципальные движения представляют единственную потенциальную угрозу государству и составляют основную среду, в которой формируются активные граждане и новая низовая политика, в которой люди встречаются лицом к лицу. И по своему характеру эти движения являются подлинно народными. Эти факты были исследованы в других работах и не должны быть рассмотрены здесь. Пока же надо

задаваться очень важным вопросом: является ли либертарный муниципализм лишь политический «моделью» (однако щедро мы определяем слово «политика»), или он также включает экономическую жизнедеятельность?

То, что перспектива либертарного муниципализма несовместима с «национализацией экономики», которая просто укрепляет юридическую власть государства экономической властью, слишком очевидно, чтобы спорить. И при этом нельзя допускать, чтобы термин «либертарный» был присвоен сторонниками рыночной экономики, сторонниками идей Айн Рэнд и т.п., чтобы оправдать частную собственность и «свободный рынок». Маркс, к его чести, ясно продемонстрировал, что «свободный рынок» неизбежно приводит к олигархическому и монополистическому корпоративному рынку с помощью предпринимательских манипуляций, которые в конечном счёте приводят к государственному контролю.

Но каков синдикалистский идеал «коллективизированных» самоуправляемых предприятий, которые координируются как различными отраслями на национальном уровне, так и географически «коллективами» на местном уровне? Здесь традиционная социалистическая критика этой синдикалистской формы экономического управления не лишена смысла: корпоративные или капиталистические, «управляемые рабочими» или нет, как ни странно, набирающие сегодня популярность методы управления производством, а именно «демократия на рабочем месте» и «собственность работников», не представляют никакой угрозы ни частной собственности, ни капитализму. Испанскими анархо-синдикалистскими кооперативами 1936-37 годов фактически управляли профсоюзы. Они оказались весьма уязвимы к централизации и бюрократизации, которые появляются во многих благонамеренных кооперативах спустя какое-то время. К середине 1937 года управление рабочих в цехе уже заменяется профсоюзным членством, несмотря на все претензии апологетов НКТ. Под давлением «анархистских» министров в правительстве Каталонии, таких как Абад де Сантильян, они начали приближаться к национализированной экономике, которую поддержали испанские марксисты.

В любом случае «экономическая демократия» не просто означала «демократию на рабочем месте» и «собственность работников». Многие рабочие на самом деле хотели бы уйти со своих фабрик, если бы они могли

найти более творческие виды ремесла, а не просто «участвовать» в «планировании» своей же нищеты. То, что «экономическая демократия» означала в своём глубочайшем смысле, было свободным, «демократическим» доступом к средствам жизнедеятельности, аналогом политической демократии, то есть, гарантией свободы от материальной нужды. Это грязная буржуазная хитрость, в которой бессознательно участвуют многие радикалы и которая заключается в том, что «экономическая демократия» стала вновь интерпретироваться как «собственность работников» и «демократия на рабочем месте», а также стала означать косвенное «участие» трудящихся в распределении прибыли и управлении производством, а не как свобода от тирании фабричной системы, рационализированного труда и «планового производства», которое, как правило, эксплуатирует рабочих.

Либертарный муниципализм добивается значительного успеха во всех этих концепциях, призывая к муниципализации экономики и управления ею сообществом как частью политики общественного самоуправления. Тогда как синдикалистская альтернатива повторно приватизирует экономику в «самоуправляемые» коллективы и открывает путь к их вырождению в традиционные формы частной собственности, принадлежащей «коллективу» или нет – либертарный муниципализм политизирует экономику, которой начинает управлять народ. Никакая фабрика и никакая земля не появляются в виде отдельных интересов внутри общинного коллектива. Не может такого быть, чтобы рабочие, фермеры, техники, инженеры, специалисты и т.д. сохраняли свои профессии как интересы, которые существуют отдельно от граждан, собирающихся на собраниях лицом к лицу. «Собственность» встроена в коммуну как элемент её либертарной организованной структуры, как часть большего целого, которым непосредственно управляют граждане на собрании, как граждане, а не как профессионально ориентированные группы по интересам.

Что не менее важно в радикальной теории и социальной истории, так это «антитеза» между городом и деревней, которая выходит за пределы так называемого «тауншипа», традиционной подведомственной области в Новой Англии, в котором городская организация является ядром её сельской местности, но не как городской субъект, противопоставленный деревне. Тауншип в действительности представляет собой небольшую область в пределах ещё более крупного, например, округа и «биорайона».

Муниципализацию экономики следует отличать от «национализации» и «коллективизации», которые приводят к бюрократическому и горизонтальному (сверху вниз) контролю, последняя из которых — к вероятному появлению приватизированной экономики в коллективизированной форме и сохранению классовой или кастовой иерархии. Муниципализация, по сути, переносит экономику из частной или индивидуальной среды в общественную среду, где экономическая политика сформулирована всем сообществом, в частности её гражданами, встречающихся лицом к лицу для достижения общего «интереса», который превосходит над индивидуальными, определёнными по склонностям к тем или иным профессиям интересами. Экономика перестаёт быть просто экономикой в строгом смысле этого слова, будь то «бизнес», «рынок», капиталистические или «управляемые рабочими» предприятия. Это становится действительно политической экономикой: экономикой полиса или коммуны. В этом смысле экономика действительно как коммунизована, так и политизирована. Муниципалитет (а точнее граждане, собравшиеся лицом к лицу) поглощает экономику как один из аспектов общественного хозяйства, лишая её индивидуалистической особенности, которая может приватизировать его и превратить в жаждущее личной выгоды предпринимательство.

Что может препятствовать тому, чтобы муниципалитет стал своего рода местническим город-государством, который появился в эпоху позднего средневековья? Любой, кто ищет «гарантированные» решения проблем, поднятых здесь, не найдёт их, кроме ведущей роли сознания и этики в жизни людей. Но если мы ищем встречные стремления, то ответ, который может быть выдвинут, существует. Наиболее важным фактором, который привёл к возникновению позднесредневекового города-государства, было его расслоение изнутри — не только в результате материальных различий, но и в общественном положении, отчасти берущего начало в происхождении, а также в разделении труда. В самом деле, в той мере, что город потерял своё чувство коллективного единства и разделил своё хозяйство на частное и на общественное, сам общественный труд стал приватизирован и разделён на такие профессии, как красильщики тканей (или как во Флоренции их называли «синие ногти»), и более высокомерные слои ремесленников, которые производили качественные товары. Богатство также в значительной

степени приватизировало экономику, в которой материальные различия могли приводить к появлению других иерархических различий.

Муниципализация экономики растворяет не только профессиональные различия, препятствующие переходу к экономике, управляемой народом; она также обращает материальные средства в общинные формы распределения. Принцип «от каждого по способностям и каждому по потребностям» институционализируется как часть общественной жизни, но не идеологически, а как убеждение всей общины. Это не только цель; это способ функционирования политического объекта, который становится структурно реализованным муниципалитетом с помощью его собраний и учреждений.

Более того, никакое сообщество не может надеяться на достижение экономической автаркии, и при этом не должно пытаться это делать, если оно не хочет стать замкнутой и местнической, а не только «самостоятельной». Следовательно, конфедерация коммун перерабатывается как экономически, так и политически в общую область управляемых народом ресурсов. Управление экономикой, именно по той причине, что это общественная деятельность, не вырождается в приватизированные взаимодействия между предприятиями; скорее это развивается в конфедерализованные взаимодействия между муниципалитетами. То есть, те самые элементы общественного взаимодействия расширяются от реальных или потенциальных приватизированных компонентов до институционально реальных общественных компонентов. Конфедерация становится общественным проектом по определению, не только благодаря общим потребностям и ресурсам. Если есть какой-то способ избежать появления города-государства, не говоря уже об эгоцентричных буржуазных «кооперативах», то это только с помощью муниципализации политической жизни, являющаяся настолько полной, что политика охватывает не только то, что мы называем общественной средой, но и материальные средства, необходимые для жизни.

В том, чтобы добиваться муниципализации экономики, нет ничего «утопичного». Совсем наоборот, это практически и осуществимо, если только мы будем мыслить так же свободно, как и пытаться достичь свободы в нашей жизни. Наше место обитания (город или деревня) – это не только место, в

котором мы живём вне нашей повседневной жизни; это также настоящее экономическое место, в котором мы работаем, и его природные окрестности являются настоящей окружающей средой, которая позволяет жить в гармонии с природой. Здесь мы можем начать развивать не только этические отношения, которые связывают нас с настоящим экологическим сообществом, но и материальные отношения, которые могут сделать нас полноправными и самостоятельными людьми. Пока муниципалитет или местная конфедерация муниципалитетов является единым с политической точки зрения, это всё ещё довольно хрупкая форма объединения. Пока он имеет контроль над своей собственной материальной жизнью (хотя и не в узком смысле), которая превращает его в приватизированный город-государство, он имеет экономическую власть, укрепляющую его политическую власть.